

«наблюдение над действительностью из дополнительного противовеса превращается в основную и благородную цель, начало и конец художественного творчества» (1934, с. 147). Уточню: умная теоретическая наблюдательность людей алхимического искусства — «химической» науки; химического «искусства» — алхимической «науки».

ЧТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ОСТАНЕТСЯ на дне алхимического *горна*? Пройдет еще лет сто и появится химия *Бойля* — *Лавуазье*. Еще лет пятьдесят — наукоучение в духе *Френсиса Бэкона*. И уже здесь, в XVII веке, — химическая технология *Глаубера*. А что же отлетевшие символические химеры? Они составят содержание алхимического оккультизма XVIII века, алхимических реликтов, воспринимавшихся магистральным новонаучным сознанием как фарс, не стоящий внимания. Имена: *Эммануил Сведенборг* (главное его сочинение — «*О небесах, о мире духов, и об аде, как то слышал и видел Э. Сведенборг*», 1863); *Карл Эккартсгаузен* (главные его книги — «*Наука чисел*», 1815 и «*Ключ к таинствам природы*», 1821). Именно здесь, пожалуй, начинается история оккультного мистицизма, сопровождающего новую науку и поныне.

ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫЕ СЕНТЕНЦИИ *Гермеса Тризмегиста*, строгие классификации *Роджера Бэкона*, карнавальные тирады *Парацельса* рассказывают об одном и том же — о событии главном и единственном: *философском камне, превращающем несовершенные металлы в совершенное золото*, или о гармонической *Вселенной*, устрояющей лад да любовь человеческих душ, а значит, и тел. В этом смысле эти тексты тождественны. Между тем это очень непохожие тексты. Их несходство обнаруживается сразу. *Scientia immutabilis — scientia mutabilis*. Незыблемая твердыня — движущийся мираж.

Развитие. Но не само по себе, а как результат взаимодействия пародийно-периферийной средневековой алхимии с официальным средневековым, точнее, средневековым природознанием, то есть с технокимическим ремеслом и теоретизированием по поводу природы. Но здесь же неизбежно развитие технокимического ремесла в химическую технологию, а природоведческого теоретизирования — в наукоучение в духе *Френсиса Бэкона*. При этом алхимия, исчерпав самое себя на пути от нечто к ничто, оставила химию нового времени, науку нового времени, а также неотвязную тень новой науки в виде оккультных приложений, доживших и до наших дней. Лишь исторически неповторимая игра технокимической практики, алхимии и беспредметных теорий обернулась таким итогом. Прибавлю к этому главную культурно-историческую метаморфозу: культуры-мышления средних веков в культуру-мышление нового времени. Это случилось не вдруг. За тысячу лет. В три этапа. И не само по себе, а как следствие двойственной природы алхимии, оперирующей с веществом и размышляющей по поводу вещества, устрояющей алхимический космос, понятый как *изделие*, под видом и в форме технокимической эмпирии *златоделия*. И наоборот. Цель — средство; средство — цель. Поочередно